

А. Гасанов

Про это самое

сборник рассказов №-9

А. Гасанов
Про это самое.
сборник рассказов №-9

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23466179
ISBN 9785448394027*

Аннотация

Очередной сборник небольших историй о жизни, про жизнь и за жизнь. Неплохое чтение для поездки в поезде, или просто скоротать время.

Содержание

ДИВАН	5
НОНСЕНС	12
ДОМОВИК	19
КАК-ТО ПОД ДУБРОВИЦЕЙ	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Про это самое сборник рассказов №-9

А. Гасанов

© А. Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-9402-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДИВАН

...Было это в конце семидесятых, в казахском городе Актау (бывшем Шевченко).

Я учился в средней школе №-10 и был командиром отряда имени Героя Советского Союза Маншук Маметовой. Отряд наш делился на пять «звёздочек» и за каждой из них были закреплены по несколько ветеранов войны, и мы два раза в неделю ходили к этим ветеранам «помогать». За моей «звёздочкой» был закреплён одинокий дед по фамилии Каржаубаев, который жил не далеко от школы. Помню, как мы первый раз пришли к нему целой ватагой и он на пороге обалдело слушал самую горластую из нас Любку Коломытцеву, наизусть зачитывающую срывающимся голосом текст, пока остальные замерли, подняв правую руку ладонью поперёк лба:

– Уважаемый Усен Ауэзович!.. Мы – отряд имени Героя Советского Союза Маншук Маметовой взяли над вами шефство и обязуемся помогать вам по хозяйству!..

Старик удивлённо улыбался, переминаясь с ноги на ногу, не зная что делать, и я, как командир, проверенным жестом торжественно говорил ребятам:

– Проходите, товарищи!

И мы проходили, здороваясь поочерёдно с дедом и он провожал нас в квартиру, улыбаясь немигающим взглядом. Де-

ликатно разуваясь, мы складывали портфели горкой, и я солидно по-взрослому продолжал:

– Чем мы можем вам помочь, уважаемый Усен Ауэзович?..

Старик торопливо кумекал в уме и догадывался:

– Так вы «тимуровцы», что ли?

Мы дружно подтверждали, перебивая друг друга, предлагая варианты нашей помощи:

– Да, мы «тимуровцы», только...

– ... Имени Героя Советского Союза!..

– ... Что-нибудь помочь...

– ... Будем теперь к вам приходить...

– ... или за хлебом сходить!..

Старик улыбался, любуясь нами и приговаривая:

– Ой, молодцы... Очень хорошо!..

И мы по хозяйски оглядывали полупустую квартиру, выискивая фронт работы, и вздыхали, унывая – квартира была почти пустой. Маленький старый коврик на крашенном полу, диванчик небольшой у стены, на тумбочке крохотный телевизор, сбоку торшер. И всё!..

– Может вам постирать чё-нибудь надо?, – горестно вздыхала Любка, рассматривая пустые стены.

Старик виновато оглядывался, не находя, чем нас занять, и улыбался, пожимая плечами. Выждав паузу, я кивком дал команду обуваться, и мы пыхтели, толкаясь в узком коридорчике, на всякий случай подсказывая:

– Мы к вам по вторникам ходить будем!..

– ... или чё-нибудь передвинуть...

– ... вы подумайте пока, – я был самый рассудительный, не зря же «командир», – а мы в следующий раз придём и... поможем вам чего-нибудь!..

Потом мы прощались, выходили в подъезд и я коротко командовал:

– Отряд!

Все замирали с суровыми лицами, отдавая честь по-пионерски, и молча спускались вниз.

...Через пару таких посещений, старик наконец-то нашёл нам серьёзное задание, с которым он не справился бы ни в жизни!.. Крохотный его диванчик стоял в комнате, как оказалось, совсем не удачно, и его нужно было передвинуть к другой стене, и мы взялись за работу. Девчонки собрали постель, а пацаны облепили диван и в два счёта с чудовищным скрежетом передвинули его куда надо. Коврик был постелен на место, диван застелили ровнёхонько, подушку взбили замысловатой пирамидочкой, и довольный старик усадил нас за стол, и мы пили душистый чай с молоком и конфетами, чавкая и болтая под столом ногами.

...В следующий наш приход выяснилось, что диван совершенно не на месте: и окно далеко, и свет падает плохо... Короче говоря, девчонки собрали постель, свернули ковёр, а мы опять облепили диванчик и с дружным хохотом, скрежеща, отодвинули его прямо под окно.

– Вот – хорошо!.. Совсем другой дело!.., – улыбался старик, глядя нас по очереди по макушкам, – Совсем другой!.. Очень хорошо!..

И мы опять пили вкусный чай с пряниками и уходили от старика, отдав честь, с полными карманами конфет.

...В следующий вторник диван решено было поставить на прежнее место, только подвинуть ближе к двери, что бы выключатель не мешал. Что мы и сделали, но что-то мне подсказывало, что это тоже ни самый удачный вариант и, уходя от старика, уже возле подъезда мы шумно обсуждали, где всё-же лучше поставить проклятую развалюху?..

...Несколько месяцев мы двигали диван из угла в угол и пили чай и старик улыбался, любуясь на Любкины косички и внимательно слушая нашу болтовню.

И вот приближалось 9 Мая.

В преддверии великого праздника мы – (отряд имени Героя Советского Союза Маншук Маметовой) посоветовались и разумно согласились, в такой праздник нужно ещё чего-нибудь полезное обязательно сделать. Ни диван же опять двигать?

— ... А может ему погладить чё-нибудь надо?, — волновалась Любка.

– Может быть..., – задумчиво хмурился я, – а вдруг у него утюга нет?

– Во-во!..., – включался в разговор Серёга, – Припрёмся: «Здрасти! Давайте мы вам погладим чё-нибудь?» А он:"

Гладьте, сколько влезет, только у меня утюга нету!...» Не красиво может получиться...

Все хмуро кивали: «Да, не красиво...»

– А я из дома принесу, на всякий случай... У мамы попрошу..., – не унималась Любка.

– Во-во!..., – Серёга вечно со своими рассуждениями. Любую идею испохабит, – Так маме и скажи: «Мам, дай утюг на минуточку, мы к старику в гости идём!..

Любка пристыженно молчала и кто-то предложил сделать старику подарок. Мы начали рыться по карманам, а потом Сашка чуть не подрался с Серёгой, доказывая, что дарить старику рогатку – это глупость.

– Дурак какой-то... На фиг ему твоя рогатка? По воробьям стрелять?..

Все смеются и начинается бардак, и в общем шуме я слышу робкую версию нашего молчуна Андрюхи Ложникова:

– ... чё-нибудь покрасить, может?... У меня банка с краской есть...

Я мгновенно понял, что это действительно замечательная идея. Во-первых старик не отмажется, если мы придём сразу с краской. Во-вторых это всё-таки солидно, почти ремонт, можно сказать...

– Можно диван и покрасить, между прочим..., – Андрюха улыбается на всякий случай, готовый уступить, но, видя мою заинтересованность, продолжает увереннее, – Отец полбанки краски выбросил, а я за гаражом спрятал... На две спин-

ки хватит... По-моему...

...Было решено красить к 9-му Мая диван. Серёга притащил две кисточки, Любка на всякий случай выпросила у мамы утюг, и теперь мы бежали к старику, обгоняя друг-друга, готовясь к серьёзной работе.

– Главное, – на правах автора идеи кричал Андрюха, запыхавшись, забегая вперёд, – главное... сразу не говорить, а то... он испугается!..

– Во-во!..., – змей-Серёга тоже обгонял и бежал перед нами спиной вперёд, – Припрёмся: «Здрасти! Мы пришли ваш диван покрасить!».. Ещё выгонит!..

А я бежал молча, представляя, что сейчас зайдём солидно, отдышавшись перед подъездом, что бы не заходить с языками на плечах. А то, действительно, испугается... Подумает – чё-то украли и убегают... Утюг, например... Нет, надо войти солидно.

«... Так, мол и так, Усен Ауэзович... Как поживаете, мол?... Как здоровье?... И всё такое... Посидим, поговорим... А потом невзначай так: Ох, а какой же у вас уже диван-то обшарпанный, посмотрите!.. Аж противно смотреть, мол... Нет, про „противно смотреть“ – это уже лишнее... Надо просто по-деловому... Мол, проходили мимо, решили зайти-проведать, здравствуйте!.. Мол, а что если вам диван покрасить, Усен Ауэзович?... У нас, мол и краска с собой... Зелёная.»

...Подбежав к дому, мы встали, как вкопанные – абсолют-

но голый диван стоял возле мусорки. Мы подошли по-ближе и убедились – да, это именно он. Наш. Мы его уже помним как облупленного. Ещё бы, столько таскать!.. И вот диван стоит прямо возле мусорки, а рядом с диваном пару мешков с тряпками и домашние тапочки старика, вязанка его старых книг...

– Переезжает он, что ли?, – робко предположил Андрюха.

...Дверь нам открыл незнакомый мужик, перепачканный шпатлёвкой:

– Не знаю. Я ремонт тут делаю. Кто-то новые въехали...

Мы ещё немного покрутились возле дома, по-очереди попрыгали на диване и разошлись, ни чего не понимая.

А в следующий вторник мы пошли уже к другому старику...

НОНСЕНС

Вот вы тут всё про Новый год, да про Новый год просите... Так и где он? Новый год-то ваш?..

...А у нас с работы чуть не выперли Замотина Александра Николаевича на днях.

И не мудрено, в принципе. Будь я начальником ЖЭКа, я бы обязательно выпер, кажись. Ей-богу выпер бы!.. Чего ж хорошего, когда слесаря на работу после праздников приходят с побоями? Ой, только не надо вот тут сейчас мне про гололёд или нелепую роковую случайность рассказывать, женщина. Я-то вам поверю, наверное, а чё же граждане-жильцы подумают? Ведь факт же на лицо. Вернее сказать – на лице. Вы себя поставьте на место жильцов. Представьте, что вызвали вы сантехника по какому-нибудь делу, и к вам приходит товарищ Замотин с фингалом баклажанового размера и цвета под глазом, причём хромает Замотин на левую ногу так, что стонет мучительно при каждом шаге, и старается передвигаться только на правой ноге, и по лестнице ему это затруднительно делать, так как правая рука забинтована аж до плеча. Представили? Сантехник к вам придёт такой... А теперь учтите, что вчера был «День Защитника Отечества», между прочим. Учили? Ну и как? Какие ощущения?.. Можно такого сантехника на участок выпускать, как считаете?.. И самое главное – Замотин до слёз клянётся, что

не пил вчера, ни-ни. Почти. Говорит – нелепые случайности. Чушь всякую мелет, короче говоря!.. Ерундистикой занимается, паршивец, как сказал Арсений Ильич (самый старший сантехник нашей бригады). Так и сказал Арсений Ильич:

– Чушь это всё, господа! Нонсенс!..

И мы всей бригадой полностью согласны, что, мол, «нонсенс», а если по-мягче выразиться – мол, слегка заливает наш Санёк, падла такая.

Вот слушайте, чего он брешет. Рассудите.

...К 23 февраля Саня готовился загодя. С трепетом в душе, так сказать. Почитай за месяц планировал не пить. Ни то, чтобы как-то поменьше бы уже ужираться, а по-культурному, так сказать. Или вот вообще не пить. С 22-го и по 24-е, например, ни литра в рот! Весь праздник надумал Саня пробить в благочинной трезвости, сука такая... С годами он Александр стал как-то сентиментальнее, что ли? Надоело мужику такое вот празднование. И ведь прав он, товарищи. Одни потери от таких праздников ведь. Что ж это за праздник такой, когда тошно с утра и стыдно, и не помнишь, в чьих это ты ботинках проснулся?.. И жутко в зеркало смотреть, и из одежды много чего пострадало... Какой же к чёртовой бабушке «защитник отечества», когда утром выглядишь, как пленённый немец в результате контузии?..

И вот решил, значит, Саня не пить. На календаре жирно обвёл целую строчку, чтобы не забыть. И не пьёт уже чуть ли ни с двадцатого числа!.. Ей-Богу!.. День не пьёт. Вто-

рой не пьёт. Двадцать третье началось – не пьёт!.. Между мужиков ходит не моргая, как апостол Пётр. Мужики аж замолкают, вслед ему смотрят. И тут Саня, сияя своей трезвостью, уехал на самый конец Комсомольского района по какому-то аварийному случаю, а вернулся через три часа хромой и вдобавок с разбитой рожей. Чё скажете? Нонсенс?.. Нелепость?..

...Уже в автобусе, говорит, тогда Саня вдруг ощутил, что длительная трезвость одухотворяет человека. Кто не пробовал – не поймёт. Во-первых, начинают работать все чувства обоняния и осязания. Это когда вы пьяный, как хорёк, вам на всё наплевать с колокольни, потому как вы просто не чувствуете таких мелочей. А когда вы трезвый, как сволочь, уже почти пятьдесят шесть часов, вы начинаете умиротворяться в душе, отмечая вокруг себя детали, на которые ранее совершенно не обращали внимания. Поистине – телесные страдания очищают нашу греховную душу. И вот едет Александр Замотин, всем телом ощущая, как из души его выходит скверна, наполняя воздух в автобусе запахом позавчерашних носков. И это становится удивительно Александру. И странно это, и не изведено поныне. Ранее Александр и не подозревал даже, что за каких-то несчастных три-четыре дня его душа может так мощно напитаться скверной в носках. И Замотин почему-то вспоминает, как он недавно вежливо приглашал диспетчера Аллу в кино, а красавица Алла краснела, стараясь не дышать, и настойчиво отказыва-

лась от свидания. И Сане было горько и стыдно осознавать, что он – тридцатилетний балбес, по сути своей – неряшливый и глупый, спивающийся, как и многие вокруг. И в голове у Александра совершенно отчётливо забрезжил неяркий тёплый свет, словно кто-то в занавешенное тюлем окошко свечой посветил. И ведь совершенно по иному можно жить, думал Санёк. Если бы я тогда, например, был трезвым, я бы почувствовал, что носки несвежие, а я небрит... И Алла, возможно, пошла бы... Если бы цветы додумался принести. А ни «махнуть сто пятьдесят для храбрости»...

И совершенно потрясённый своими откровениями, Замотин Саня отрешённо уставился в окошко, не в силах смотреть людям в глаза от своей никчёмности и пустой глупости. А ведь раньше-то он всё нагло паялился на девок, доводя тех до смущения. Считал, что так и должен вести себя мужик-то настоящий. Пялится, тварь, аж под лифчик глазами залазиет бывало!.. А сейчас вон стоит в проходе и умирает от стыда, озарённый праведными мыслями о пропащей своей жизни. Под сорок лет дураку. А чего нажил?..

И вздыхал Саня, и кивал сам себе отрешённо, весь погружённый в невесёлые раздумья. В таком состоянии у него ни то что кошелёк вынуть, с него хоть штаны стяни – он не шевельнётся, до того человеку не весело и печально. И хочется хоть что-то поправить. Хоть чуточку безрадостной и глупой жизни своей отдать чему-то доброму и светлому. Вон старушку, к примеру, усади к окошку, заботливо народ рас-

толкай, и усади. Пусть отдохнёт, сердешная. И то хорошо. Ведь нетрудно же. И Саня воспрянул и растолкал вежливо, без мата, и усадил, как родную.

– Спасибо, касатик!, – чуть зарделась от удовольствия крохотная сухая старушка и, уютно ёрзая, уронила с колен Сане на ногу свой кошелёк...

...Старой советской закалки кошелёк, больше напоминающий портфель средних размеров, саданул углом в Санину стопу спереди, и со стуком упал на бок. Да, именно так. Кошелёк ни отскочил, мягко шмякнув, ни застыл на полу, чуть подпрыгнув, а именно громко стукнул в Санин кроссовок «дун!», и потом упал на бок «дыщ!», мелодично и зло, словно полностью залитый свинцом.

...От боли Саня зажмурился, схватившись обеими руками за поручень. Пассажиры вокруг будто по команде уставились вниз, пытаясь отыскать глазами, что же это так грохнуло по полу? Водитель тоже сбавил скорость и тревожно зыркнул в салон на людей, и в зеркала по бокам автобуса позырил. Действительно, бабушкин кошелёк грохнул так, словно на пол скинули небольшой двигатель.

– Свинушки!, – звонко заявляет бабуля, проворно поднимая кошелёк, улыбаясь извиняющимся тоном, – Сестра угостила. Они замороженные. Грибы-то... Пока доеду, не разморозятся, думаю...

...Если вам никогда в жизни не падал на ногу двухкилограммовый кусок замороженных свинушек, вы вряд ли пой-

мёте ощущения Александра Замотина. Нога стала опухать, и Саня осторожно двигал пальцами на ходу, проверяя на перелом, стараясь хромать осторожнее, чтобы не растянуться на льду.

...В квартире №-44 тёк смеситель.

Милая женщина в халатике приятно улыбнулась и поздоровалась, шёпотом попросив не шуметь, «ребёнка уложила», показала пальчиком в сторону ванной комнаты, а сама бесшумно удалилась в детскую. В ванной горел свет и было слышно, что там кто-то возится.

Саня тихо разулся и осторожно приоткрыл дверь.

...Дальнейшее действительно подлежит сомнению ввиду неправдоподобности обстоятельств, поэтому я просто сухо констатирую, чёб вы потом не орали опять, что я брешу как всегда:

Хозяин квартиры, некто Альберт, мастер спорта по татарской борьбе «куреш», задумчиво полоскал в ванной комнате свой небритый рот содой, когда услышал сзади звук. Обернувшись с раздутыми содой щеками и выпученными глазами, Альберт неприязненно вздрогнул, увидев сантехника Замотина, старающегося не шуметь, с огромным гаечным ключом в руке и на цыпочках. Подняв глаза, Александр тоже обмер в свою очередь, неожиданно увидев неестественно раздутые щёки и вытаращенные глаза Альберта, и вскинул руки, машинально защищаясь ключом. Реакция обалдевшего мастера спорта по «татарча-курешу» тоже не заставила се-

бя долго ждать, и после мастерского прохода в ноги, мужчины повалились в коридор, где Альберт блестяще провёл удущающий и болевой одновременно, сломав на всякий случай Сане руку.

Вот такие дела, товарищи.

Нонсенс?.. А чёрт его знает, может и не врёт Замотин-то?..

...Тот раз Саню не уволили, помню. Но смеялись над ним долго. И правильно делали. Не хрен пить на работе, а потом трепаться налево-направо, что упал...

ДОМОВИК

...Дед мой, Анатолий Леонтьевич, царствие ему небесное, хороший человек был! Рассказывал нам часто истории немудрёные, а мы, внуки (целая шайка нас бывало соберётся в кучку, рты раззявим – слушаем!), и всё ждём, когда дед опять про домового вспомнит. А домовый-то – тут, как тут!.. То половицей скрипнет в углу, то у печки **голик** легонько толкнёт, да тот и проедет ручкой по стенке, да и шлёпнет на пол, как живой... Озорник домовый-то. А дед его хвалит нахваливает, а и есть за что. У сильного домового и в доме порядок, и по сараям, по огородикам всё на местах. И **дровня** полным-полна, и в погребе сухо, и припасов под самый потолок.

Раньше-то в каждом доме домовые водились. Да! Что же за дом без домового-то?.. Кто же за порядком-то присмотрит? Без хозяина-домового и мыши напроказничают, и крыша протечёт, и, того гляди, до пожара недалеко, упаси Господь!.. Домовой за каждым смотрит, да всё замечает. Строго припомнит потом. Ежли, к примеру, кто из людей скромн со старшими, да работящ и весел – получай, что заработал: домовый и в трубе смешно погудит, и сон до утра охранит, а по дому поможет так, что и не заметишь работы-то, всё споро, быстро, да весело. А кто врёт много, да зло в себе таскает – домовый тоже смотрит, да примечает. И вот будто

валится у такого человека всё из рук – это домовый его под локоть толкнул. И муху в молоко бросит, и в борщ плюнет, чтоб тот скис за ночь. А спать злой человек ляжет – домовый и давай ему спать мешать: то одеяло стянет, а то наоборот – с головой укроет!.. Так вот было.

Были домовые. Были... В старину-то. В каждом доме были. А по дому-то сразу и видно. Если видишь – домик и тёплый, и крепкий, и сытно в доме, и песни поют – так и знай, в этом доме домового уважают и слушаются, вот и он за домом смотрит. Чуть кто вздумал ругнуться – домовый с чердака тихонечко в половицу – «стук!». Мол, ну-ка, тихо там!.. Человек сразу и молчок... Нечо ругаться-то. Или кто вдруг обиду затаил или ещё чего, домовый тут как тут: то в печке чихнёт, то форточку сквозняком толкнёт. Предупреждает, что бы не забывали-то.

...Бабушка на **рушнике** завязывала пару узелков и получалась кукла. И вот уже домовик **кубарем** с чердака бежит – торопится. И в куклу-то шмыг!.. И кукла оживает будто. И споёт и спляшет кукла Катька, и поругает, что молоко не допил, и покорит, что снег ел – это домовик в кукле бабушкиным голосом пел мне когда-то: «Ой-лё-ли!.. Ой-лё-ли!»

голик – веник,

дровня – место, где хранят дрова,

рушник – полотенце,

кубарем – кувырком (кубарь – небольшой деревянный
выюн-юла для игры в старину).

КАК-ТО ПОД ДУБРОВИЦЕЙ

...История эта давняя, мохом поросшая, брехни в неё очень много люди намешали. Так что, не судите строго, как говорится. А работал мой дед по случаю в тех местах. Шоферил по молодости. Носила их нелёгкая по всей стране. Шоферов-то. А чё? Неженатый, бездетный. Иной раз чёрти-куда отправят. По всей степной Азии колесил, и в Сибирь, бывало, заезжал, а Украину и Беларусь – с закрытыми глазами мог проехать. А на Кавказ мотался, как в огород до ветру. Ей-Богу!.. Вот дед и рассказывал как-то.

...Это сейчас Дубровицу можно уже даже городком называть. А в те годы (дело было ещё до Брежнева) и «деревней» бы язык не повернулся. Приграничные посёлки все такие. Народ тут тихий, не разговорчивый. А после войны и вообще тишь такая была, что хоть караул кричи. Болота кругом. Разруха. Вся страна до сих пор восстанавливается, не до окраин пока.

...И тут в августе (продолжает дед) вдруг с самого утра на противоположный берег реки Горынь выезжают шесть зелёных автобусов и два грузовика. Вываливается народ, чего-то начинают копать, доски разгрузили, сарай мастерят, палатку натянули... Короче говоря, стоят дубровчане на берегу и диву даются: «щё це воно такэ?». А на той стороне разошлись не на шутку. Здоровенную мачту поставили, пате-

фон заводят, мотоцикл гоняет взад-вперёд, откуда-то корову ведут на верёвке... Короче говоря, обживаются люди. Ведут себя по-хозяйски, костёр разожгли, из реки воду берут. Хохот-крики. Толстяк намылился на бережку, рожу бреет, зеркальцем вертит. И тут глянули дубровчане и прямо обмерли – на мачту медленными рывками поднимается... фашистский флаг!... А из палатки один за другим выходят фрицы в касках, и со шмайсерами на грудях. Балуются, ржут, балагурят... Гармошка губная запиликала сочно и ровно...

Народ кинулся по домам...

Украдкой поглядывая на «тот» берег, сельчане бегали от дома к дому, укрываясь в присядку на открытых местах. Стихийно сам собой собрался митинг возле почты. Председатель Микола Евсеич бледными губами строгим шёпотом прокричал односельчанам:

– А-ну, тихо там!.. Мужики!..

Все примолкли.

– Значит так: сейчас всем разойтись по домам!.. И не совываться!.. Я свяжусь с райкомом насчёт указаний, потом оповещу увсих!.. Ясно?..

– Так щё ж воно?.. Опять, што ль?.. Микола Ев.., – зашумел вполголоса народ (а народу-то человек пийсят, не больше, ей-богу! Диды, тай бабы!)

– Цыц, я кажу!, – свирепо нахмурил брови председатель, – Русским языком сказано – всем разойтись и не шуметь!.. Связи нет четвёртый день!.. Шо, не знаете, что ли?.. Обеща-

ли к вечеру нынче!.. Цыц, говорю вам!.. А-ну – увси по домам!.. До утра щёб никто носу ни казал!.. И щёб тихо у меня!..

Народ неслышно разбежался, крестясь и всхлипывая на бегу.

...А дело было вот в чём.

Решением Львовского ВЦСПС от 11.07.69 года за №-11201/64 в парткоме были утверждены график и смета съёмок полнометражного военно-патриотического художественно фильма «Иван Перепелицын на передовой». И вот прибыла орава массовки для съёмки батальных сцен в эти места. И шастают теперь по берегу больше сотни переодетых «фашистов», и дурака валяют, потому что съёмки отложили на четыре часа, так как танк задерживается, шёб вин издох!.. И валяет ваньку дурачье молодое, переодетое в эсэсовцев, и от нечего делать глазеет по сторонам, наводя ужас на местный люд. И от скуки прошлись по мостику четверо, поплевали в речку, покурили, да и зашли втихаря в пайторг, взяли водки, хлеба. Сидят теперь на бережку в тени ракиты, тушёнку жрут штык-ножами, по-немецки хихикают, сволочи...

И нажрались хлопцы.

И съёмку прозевали.

И в тот момент, когда все порядочные фашисты бегали уже по берегу за танком перед кинокамерой, эти четверо – опять по мостику в Дубровицу – шасть!.. За добавкой. Весё-

лые, ржут, шмайсерами друг друга пугают, по-немецки дурачатся:

– Ханды-хох, мол, Гриша!.. Ми тебя будем немножко пуф-пуф!.. Ха-ха-ха!..

– Та пошёл ты... Ха-ха-ха!..

За этим занятием их и застал бледный Микола Евсеич, выбегая из-за угла пайторга с хлебом-солью на рушнике:

– Хлеб-соль, господа хорошие!.. Хлеб-соль!..

Чуть склонившись, он замер, улыбаясь, судорожно понимая, что по-немецки помнит только «Гитлер-капут».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.